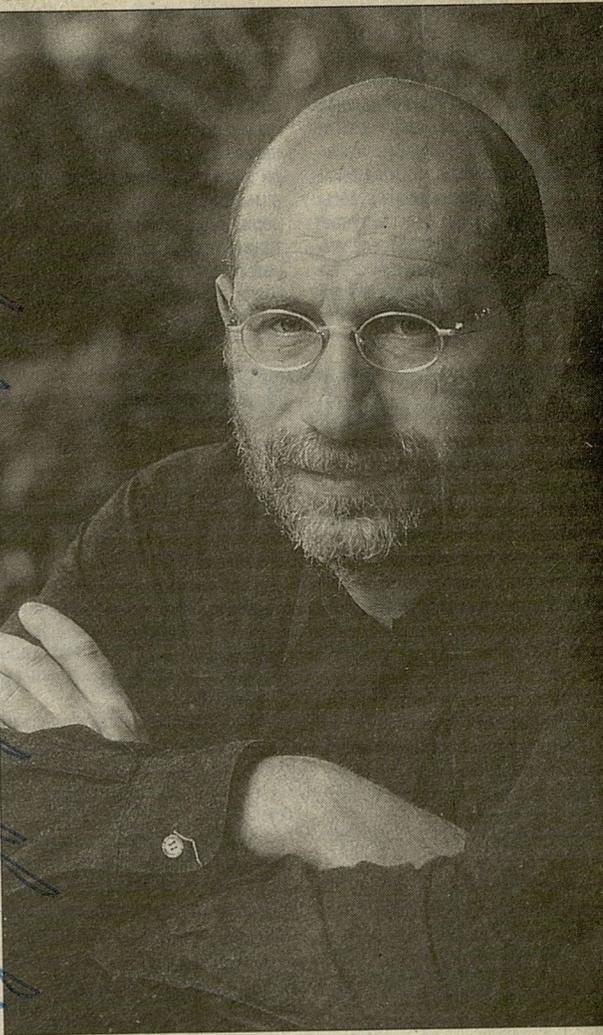

Рус. Курьер - 2005 - 22 апреля - с. 12-13.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВ

Как надоел Акунин! Григорию

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Акунина, как денег, много не бывает. Видимо, этим тезисом руководствовались издательства и продюсеры, уготовив нам весеннее обострение акуномании. Уже вышли две книги из нового проекта «Жанры» — «Детская книга» и «Шпионский роман». С сегодняшнего дня в широком прокате «Турецкий гамбит». В конце апреля в Российском Молодежном театре состоится премьера «Инь и Ян. Черная версия. Белая версия». Это два варианта одной и той же истории (героем которой опять-таки станет Фандорин), написанные специально для РАМТа. Оба спектакля будут играть в один день.

— Как вы думаете, какое из искусств — литература, театр или кино, легче уводит человека в мир иллюзий?
— Я человек литературоцентричный, поэтому больше верю в текст. Он оставляет больше простора для воображения. Например, если в книжке написано «молодой человек был необычайно хорош собой», читателю видится писанный красавец в его собственном представлении, а это представление у всех разное. Актер же навязывает облик героя, кото-

рый может кому-то и не понравиться. Ну и вообще — чтение делает тебя в гораздо большей степени соучастником процесса. Это занятие более интимное и индивидуальное.
— Вы сами писали сценарий «Турецкого гамбита». В чем специфика подобной работы? Происходит ли переосмысление текста или разницы особенной для вас не было?
— Разница очень большая. Тут включаются иные правила и законы. Тем более что у продюсеров и режиссера было весьма твердое представление о том, как должен выглядеть современный кинопродукт. Минимум диалогов, максимум динамики и т.п. Я как сценарист старался этому заказу соответствовать.
— Насколько велико было ваше доверие к Джанику Файзиеву? Вообще, ревностно или спокойно вы относитесь к режиссерам, берущимся за ваши произведения?
— Я очень долго примериваюсь к режиссеру, но после того, как кандидатура утверждена, отношусь к человеку с полным доверием. Это уже не мое произведение, а его. Когда я увидел, что Джаник работает с полной отдачей, что называется, на износ, моей целью было не мешать ему. А если понадобится помощь — ее оказывать.
— Файзиев сказал, что сегодня людей в кино интересуют тех-

воспроизведения первоисточника?
— Мне важно, чтобы в фильм — раз уж он связан с моим именем — не попало ничего такого, что для меня неприемлемо в этическом или эстетическом смысле. По счастью, с «Турецким гамбитом» подобных конфликтов не было.
— Вы контролируете съемочный процесс?
— Нет-нет. Лишь смотрю отснятый материал и высказываю свои замечания-пожелания, о чем меня неоднократно просили. Вообще должен сказать, что Первый канал и Джаник всегда вели себя со мной очень корректно. Попросил не мучить меня участием в пиар-кампании — не мучили. За что отдельное спасибо.
— В чем сложность ваших романов? Где режиссеров могут поджидать ловушки?
— У меня в книжках постоянная игра нюансов, колебания света и тени, мешанина из жанров. Кино, во всяком случае, массовое, этого не терпит. Это гораздо более прямое искусство, по рукам и ногам связанное правилами. Многие приходится выравнивать. Например, в «Турецком гамбите» у режиссера не было возможности показать многогранность образа главного злодея, из-за чего пришлось перекраивать всю фабулу.
— Файзиев сказал, что сегодня людей в кино интересуют тех-

Чхартишвили...

постоянных участников, и я часто туда заглядываю. Это, пожалуй, единственная для меня возможность установить обратную связь с читателями, услышать их мнение. Рецензии — жанр особый, от них автору толку мало. Встреч с читателями я не провожу. Так что спасибо Интернету.
— В чем секрет успеха Эраста Фандорина, помимо пресловутой положительности?
— Ну, он красивый. Одевается хорошо. Одним словом, эффектный мужчина.
— Как сегодня складываются ваши отношения с японской литературой и драматургией?
— Я на сегодняшний день японист в отставке. Веду кое-какие японские проекты, но больше из ностальгических соображений.
— Повлияла ли ваша работа над, скажем, пьесами Юкио Мисимы на ваше собственное ощущение театра?
— Я в драматургии абсолютный дилетант и к этой сфере своего сочинительства отношусь несерьезно. Скажу вещь еще более ужасную: я не шибко люблю театр. Сочинение пьес для меня вроде тренировки, разыгрывания гамм. Вначале я не думал, что их будут ставить. Единственный пример, когда я написал две пьесы под конкретного режиссера — две версии «Инь и Ян», но об этом есть смысл говорить ближе к премьере.
— Однажды вы сказали, что менее всего вам удаются любовные линии. Почему так? И что удастся вам более всего?
— Про любовь трудно говорить и трудно писать. Интимные чувства плохо передаются словами, скорее ощущениями или визуально. Вот здесь писателю кинематограф переплюнуть трудно. А удается мне... Что же мне удастся-то? Не знаю. Может быть, грустные хеппи-энды?
— Вы публично встретились с собственным альтер-эго только один раз, в «Кладбищенских историях». Зачем вам понадобилась эта встреча?
— Больно сложная была задача, разобраться в своих отношениях с Временем и Смертью. Ни прямым эссеистическим текстом, ни акунинскими сказками не выразишь. Понадобился синтез того и другого.
— Вообще, в каких отношениях эти два человека — Борис Акунин и Григорий Чхартишвили?
— В хороших. Только немного поднадоели друг другу.
— Сейчас очень любят все идентифицировать и позиционировать: этот писатель модный, этот интеллектуальный, этот еще какой-нибудь. А как бы вы сами себя назвали?
— Сказочник для взрослых. Теперь, правда, еще и для детей — после выхода моей «Детской книги», но это так, единичный случай.